

УДК 1:27(091)
ББК: 87.3(2)522-685

Александр Викторович Кириякин

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и гуманитарно-педагогического образования, Россия, Тамбов, e-mail: kiryakinallek@bk.ru

Экзистенция человека и Богочеловечества в философии В.С. Соловьёва

Аннотация. Рассматриваются взгляды В.С. Соловьёва на существование человека в мире и на будущее человечества. Ставится задача сместить акцент рассмотрения философии В.С. Соловьёва с исследования Софии на исследование Богочеловечества и путей достижения этого результата. Данная задача решается на основе сравнительного исследования взглядов В.С. Соловьёва, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Андреева на человекобога и богочеловека. Выявляется, что в учении о Богочеловечестве видят краеугольный камень философии В.С. Соловьёва такие исследователи, как Януш Добешевский и Ян Красицкий. Анализируется исследование В.С. Соловьёва материальной природы человека. Утверждается, что В.С. Соловьёв намечает путь преодоления человеком своей материальной природы, который он видит в победе над тремя искушениями высшего порядка. Доказывается, что В.С. Соловьёв видит в преодолении трех искушений путь к Богочеловечеству, который намечил Иисус Христос. Преодоление искушений анализируется через сюжеты искушений героев Ф.М. Достоевского и Л.Н. Андреева, каждый из которых содержит в себе сюжет искушения Иисуса Христа в пустыне. Рассматривается сюжет искушения сверхчеловека из «Краткой повести об антихристе» В.С. Соловьёва. Выявляется, что для В.С. Соловьёва было важным показать, к чему ведет победа искушений в душе человека и влияние этой победы на человечество в целом. Делается общий вывод, что Богочеловек и Богочеловечество – это результат совместных усилий человека и Бога. В заключение говорится об актуальности и востребованности поиска ответа на вопрос, поставленный В.С. Соловьёвым и Ф.М. Достоевским, что ждет человечество в будущем.

Ключевые слова: учение В.С. Соловьёва о Богочеловечестве, образ Софии в учении В.С. Соловьёва, легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского, эсхатология русской религиозной философии, три искушения зла и христианская сотериология, человекобог, сверхчеловек, христианский антихрист

Aleksandr Viktorovich Kiryakin

Tambov State University after named G.R. Derzhavin, PhD (Philosophy), Senior Lecturer Department of Linguistics and Humanities and Pedagogical Education, Russia, Tambov, e-mail: kiryakinallek@bk.ru

Human and God-manhood Existence in V.S. Solovyov's Philosophy

Abstract. The article examines the views of V.S. Solovyov on the existence of man in the world and on the future of humanity. Its main task is to prove that it is necessary to shift the focus of consideration of V.S. Solovyov's philosophy from the study of Sofia to the study of God-manhood and to the ways

of achieving this result. This problem is worked out by means of a comparative analysis on the views on Man-god and God-man by V.S. Solovyov, F.M. Dostoevsky, and L.N. Andreev. It turns out that the doctrine of God-manhood is considered as the cornerstone of V.S. Solovyov's by a number of scholars, such as Janusz Dobieszewski and Jan Krasicki. V.S. Solovyov investigates the material nature of humankind and states that the latter is subjected to the temptations of the flesh and can subordinate its life to the basic needs. In this regard, V.S. Solovyov presumably sees a way for humankind to overcome its material nature and such a way would be the overcoming of the three temptations of a higher order; whereas he certainly identifies the path to God-manhood in overcoming the three temptations, in the way Jesus Christ indicated. The same subject of "overcoming the temptations" is also analyzed through the scenes of temptations of F.M. Dostoevsky's and L.N. Andreev's heroes, each of which contains the plot of Jesus Christ's temptation in the wilderness. The scene of the superhuman's temptation taken from V.S. Solovyov's "A Short Story of Antichrist" is also considered. In conclusion, for V.S. Solovyov it was important to show what the overcoming the temptations in the human soul leads to and the impact of this victory on humanity. In this respect, it can be affirmed that the God-Man and God-manhood are the result of the joint efforts of man and God. The conclusion of the article deals with the relevance of searching for an answer to the question stated by V.S. Solovyov and F.M. Dostoevsky, which concerns what awaits humanity in the future.

Key words: V.S. Solovyov's Study on Godmanhood, Sophia's Image in V.S. Solovyov's Study, F.M. Dostoevsky's Legend of the Grand Inquisitor, the Eschatology of Russian Religious Philosophy, the Three Temptations of Evil and Christian Soteriology, the Man-God, the Superhuman and the Christian Antichrist

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.3.105-122

Богочеловек: русское Откровение В.С. Соловьёва

Русская религиозная философия на определенном этапе развития пришла к мысли об особой духовной роли России – спасение всех людей в мире от мук ада. Идею, вобравшую в себя все человечество в его неразрывной духовной связи, в русской философии разрабатывали Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьёв. Поэтому представляется плодотворным рассмотрение особенностей их философских взглядов. Важно также подчеркнуть, что в своем философском наследии В.С. Соловьёв довел до логического конца догмат четвертого Вселенского Собора о природе Иисуса Христа («совершенного в Божестве и совершенного в человечестве, истинно Бога, истинно Человека») и в своей природе («в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств»). Философ дал русской философии идею Богочеловека Иисуса Христа и, равно, религиозного будущего человечества – Богочеловечества.

Личность ничтожна в действительности, однако носит безусловный характер в своей возможности. Это уместно сравнить с тем, что Бог создал людей по образу своему для того, чтобы те в своей возможности стали подобны ему. Роднит Бога и человека свобода, состояние греховности же порождает внутреннее рабство человека, несвободу, отпадение от Бога [1, с. 25–26]. Выйти из этого состояния возможно посредством *μετάνοια* – искреннего раскаяния, изменения греховного сознания. Вочеловечившийся Бог ведет людей к спасению,

являя собой исторический пример соединения Творца и творения. На одной чаше весов – вера человека в Бога, на другой – вера в человека. Здесь следует ее трактовать так, что Бог поверил в человека и со времен Благой вести избрал все человечество. Поверит ли человечество в себя?

Вера человека в самого себя определяется В.С. Соловьевым как один из важнейших постулатов современной внерелигиозной цивилизации. Этот постулат, как и другой, т.е. вера в Бога, внерелигиозной цивилизацией, согласно В.С. Соловьеву, не доведены до конца. Оба вместе и доведенные до конца, эти принципы в их внутреннем единстве, имя которому любовь, составляют идею Богочеловечества. Так создается «новый богочеловеческий завет, основанный на внутреннем законе любви». Этот «новый внутренний завет есть завет всемирный, восстанавливающий все человечество, а чрез него и всю природу»¹.

Как существо природное, человек лежит в пределах осознаваемого им времени и пространства. Базовым в этом осознании является представление о собственном рождении и смерти. В.С. Соловьев и в этих рассуждениях идет дальше: двуединая природа человеческой возможности говорит и о том, что человек как «вечная, умопостигаемая сущность... существует не только после смерти, но и до рождения»², выпадая, таким образом, за пределы привычного нам времени и пространства. Волнует В.С. Соловьева и соотношение воли Бога и воли человека. Так, человек как явление, созданное Богом, имеет страдательное к нему отношение. Из этого следует, что человек не может обладать всей полнотой воли, которая есть только у Бога.

Из этого противоречия в пространстве разума выхода нет. Однако В.С. Соловьев, как и многие до него, пытается этот выход найти. Попытка интерпретации указанной проблемы через несовершенство мира представляется сомнительной, порождая у В.С. Соловьева противопоставление недолжного и ненормального бытия природного мира и бытия мира божественного. В недолжном мире происходит столкновение воли, что рождает страдание. Видя в понятии воли явление, синонимичное свободе, В.С. Соловьев выводит его за пространство физического начала в метафизическое пространство, утверждая, что человек производит зло «в своей вечной сущности, которой принадлежит первоначальная и непосредственная воля этого существа»³. То же самое можно сказать и про добро. Но к решению вопроса это не приближает.

Людские души как вечные предметы божественного созерцания обособляют в себе волю Божию, получая «собственное реальное бытие и действие». В.С. Соловьеву этого кажется мало, и он вводит в оборот концепцию идеально-человечества под наименованием «душа мира», выводя ее из первоначально-

¹ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1912. С. 26, 57, 77 [1].

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 134–135.

го божественного Логоса. Так появляется София: «душа мира есть человечество – божественное человечество Христа – тело Христово, или София»⁴. Но прежде Богу и человечеству необходимо воссоединиться (ведь отпавший от Бога мир во зле лежит). Происходит преодоление гуманизма с его идеей «человек прежде всего», но с сохранением отдельных его достижений. В.С. Соловьев убежден в том, что и среди неверующих гуманистов находятся те, кто лучше осуществляет христианство, «чем верующие христиане, ничего не сделавшие для улучшения человеческого общества»⁵.

Следует заметить, что ряд исследователей видит фундамент философии В.С. Соловьева не в учении о Софии, не в других направлениях его философии – «всеединстве, мистицизме, теократии» и т.д.⁶, а в учении о Богочеловечестве, полагая, что оно «определяет всю философию В.С. Соловьева». Так считает, например, Януш Добешевский⁷. Ян Красицкий также считает, что учение о Богочеловечестве является краеугольным камнем философии В.С. Соловьева: «Здесь собираются и отсюда расходятся, как лучи из центра круга, все другие основные идеи его теории: софиология, теория Всеединства, теория Абсолюта; учение о Богочеловечестве составляет основу его космологии, сотериологии, историософии, философии нравственности» [5, с. 155].

Имплицитно В.С. Соловьеву недостаточно христианской сотериологии, и он вводит собственное понимание способа соединения человека и Бога для спасения человечества. Он полагает, что не отходит в этом вопросе от определений Вселенских соборов, видя в богочеловеческой личности совмещение двух волей (стало быть, и двух свобод). Бог самограничивает себя во Христе, входит в пространство искушения, т.е. в человеческую жизнь с ее страстями, низшими интересами и прочим, и оставляет после себя на земле Церковь, искушаемую теми же самыми страстями⁸. Высшей страстью является здесь власть и способы ее достижения.

К концу жизни В.С. Соловьев в «Краткой повести об антихристе» приходит к мысли, что не ставшие богочеловечеством люди подпадают под власть искушенного сатаной сверхчеловека, который обещает и дает им материальный достаток. Со всей очевидностью в этом видится искушение Иисуса Христа в пустыне: в известном сюжете Богочеловек проходит это искушение и по благодати становится тем, кто Он есть по природе. В.С. Соловьев, как Вергилий, проводит человечество через круги ада, но на земле,

⁴ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 139–141.

⁵ См.: Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 125–126 [2].

⁶ См.: Dobieszewski J. Filozofia polityczna Włodzimierza Sołowjowa [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/40797453/Filozofia_polityczna_Włodzimierza_Sołowjowa (дата обращения: 20.02.2021) [3].

⁷ См.: Dobieszewski J. U początków idei bogoczołowieczeństwa w filozofii Włodzimierza Sołowjowa // W kręgu idei Włodzimierza Sołowjowa. Red. W. Rydzewski i M. Kita. Krakow, 2002. P. 13–14 [4].

⁸ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. С. 167, 172–174, 176.

ада, под которым понимается общество благоденствия, построенное на лжи тех, кто во имя зла совершает благо.

Искушение человекобога и богочеловека

Ты кто?
Мефистофель:
Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.⁹
Гете И.В. Фауст

Nun gut, wer bist du 109en?
Mephistopheles:
Ein Teil von jener Kraft,
Die stets das Böse will
Und stets das Guteschafft.

Что означает вечное желание зла при вечном совершении добра? Андрей Кураев полагает, что это характеристика и цель сатаны: «Через малые обманы – к величайшему, к презентации себя как Бога» [7, с. 140]. К этому следует добавить, что эпиграф (возможно, именно этот смысл придавал фразе и И.В. Гете) содержит некоторые элементы известного сюжета – искушение Иисуса Христа в пустыне. В отличие от Богочеловека, человекобог искушен властью и унижен, унижен был и сверхчеловек, это было блестяще показано в свое время Ф.М. Достоевским. У В.С. Соловьева искушение проходит богочеловек, и в этом искушении сочетаются пессимизм в отношении всего человечества и оптимизм в отношении немногих, что соотносится с «Откровением».

Бог самоограничил себя во Христе и, согласно «Благой вести», подвергся трем искушениям зла. Смысл искушений – сделать целью жизни достижение посюсторонних благ. Эти блага – суть пропитание, слава и власть над миром. Со времен грехопадения человек вынужден в поте лица добывать хлеб свой. Это подчеркивает обреченность человека на труд во имя поддержания своей материальной природы, которая суть прах и в прах возвратится. Сизифов труд. Так, труд от божественного сотворчества путем грехопадения был низведен к физиологическому поддержанию своей материальной природы. И именно последнее становится объектом искушения сатаны.

Дьявол не искушает Христа до достижения им тридцатилетнего возраста, до того, как не обнаружилось в Нем его божественной природы, явленной во время крещения. Преподобный Ефрем Сирийский объясняет дьявольские искушения проверкой природы Христа, которая еще не до конца была ясна, иначе бы дьявол не посмел бы и прикоснуться к Нему. Более того, дьявол не сразу приступает к искушению, а ждет, когда Христа посетит голод, присущий Его человеческой природе. По толко-

---

⁹ Перевод Б.Л. Пастернака

ванию преподобного Ефрема Сирина, это необходимо, чтобы показать подлинное принятие Богом плоти, т.е. подлинное вочеловечивание. Но Христос не обращает камни в хлеба, так как это было бы исполнением желания грешника¹⁰.

Есть еще одно интересное замечание по этому вопросу: если дьявол до искушений доподлинно не знал истинной природы Христа, то и Христос испытывал вполне человеческое чувство сомнения по поводу своей истинной природы. И.И. Евлампиев полагает, что именно таким радикальным образом Ф.М. Достоевский переосмыслил сюжет искушений: «Иисус Ивана Карамазова сам не знает достоверно, является ли он Сыном Божьим, он только верит в это, причем верит свободной, человеческой верой, т.е. как раз той верой, к которой он призывает всех людей», хотя и признает, что «все это невозможно приписать Иисусу в рамках церковного учения»¹¹.

Если в человеке больше ничего не осталось, кроме стремления во что бы то ни стало поддерживать себя физиологически, он раб этого искушения. Но Богочеловек отвечает: «не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»: преодолев искушение плоти, человек получает власть над ней¹². Власть над плотью – свобода от нее. Эту свободу отвергает Великий инквизитор Ф.М. Достоевского: свобода мучительная и она не гарантирует человеку знание, во имя чего он свободен. А позднее над этим вопросом будут биться европейские экзистенциалисты, но так и не придут к его решению.

По итогу, «святая простота» (*Sancta simplicitas*) способна сжечь Христа, если так будет угодно Великому инквизитору. Бог – досадная помеха для тех, кто служит дьяволу. Тот, кто несвободен, стремится к тому, чтобы лишиться этой свободы других. Ему чуждо божественное сострадание человечеству, ведь сострадание не лишает людей свободы, а позволяет им свободно идти к Богу. Артур Шопенгауэр предлагал сделать сострадание основой любви¹³. Но если идти дальше Артура Шопенгауэра, то можно заключить, что сострадание, как и свобода, божественный дар человеку, а не необходимое условие растворения в трансцендентной Воле, и основой любви является не только сострадание, но и сорадость, по Ф.М. Достоевскому.

Великий инквизитор понимает, что «тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить». Чтобы просто жить – достаточно только хлеба, этого единственного абсолютного знамени, которое заставит людей повиноваться, сломить их волю и уничтожить свободу. Свобода становится тяжким бременем постоянного выбора между добром и злом. То величайшее

¹⁰ См.: Ефрем Сирин, преподобный. Творения. Толкование на четвероевангелие. М.: Сибирская Благовонница, 2017. С. 89–92 [8].

¹¹ См.: Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф.М. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 537 [9].

¹² См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. С. 169.

¹³ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Мн.: Харвест, 2011. С. 603 [10].

благо и величайший дар, который, по словам Великого инквизитора, сам ведет к отвержению этого дара. Поэтому человек нуждается в порабощении, а инструментом для этого являются «чудо, тайна и авторитет». Великий инквизитор задает резонный вопрос: «...неужели Ты в самом деле мог допустить хоть минуту, что и людям будет под силу подобное искушение?»¹⁴.

Великий инквизитор отвечает на вопрос отрицательно, утверждая, что человек слаб перед чудом. Что же это за чудо и почему чудо воскрешения из мертвых в таком случае не может никого убедить? Здесь следует обратиться ко второму искушению: «Потом берет Его дьявол в святой город и поставляет Его на крыле храма, и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» [12, с. 15]. Человек ищет не Бога, а чудес – такова основная мысль Великого инквизитора по поводу второго искушения. Сделать чудо орудием подчинения человека – значит лишить его свободной воли. И этот путь отвергнут. Важно то, что второе искушение трактуется В.С. Соловьевым как гордость ума¹⁵. Гордостью ума является в таком случае искушение и самоубийство Кириллова в романе Ф.М. Достоевского «Бесы».

Великий инквизитор стремится лишить человека свободной воли, божественного дара, в стремлении таким образом защитить свою власть, власть Церкви над человечеством. Происходит подмена необходимости защитить религию необходимостью защитить власть официальной Церкви. Но «религию следует защищать не убивая, а умирая, не жестокостью, а терпеливостью, не преступлением, но верностью». Иначе религия оскверняется, оскверняется самая суть христианского учения. Христианство, само пройдя жерло гонений, дало человеку, по словам Андрея Кураева, опыт восстания «против любого насилия в области религии», дав в качестве дара свободу совести, и именно ее «христианские мученики принесли в жизнь людей»¹⁶.

Но христиане, отвергающие этот дар, стремятся к власти. Итак, третье искушение – искушение властью. Бог должен поклониться дьяволу и получить за это все царства мира. Гордость дьявола здесь не знает границ, полагал Феофилакт блаженный, раз он признает весь мир своей собственностью и желает, чтобы и Христос поклонился ему¹⁷. Но дьявол не имеет власти над миром по своей природе, эта власть дается ему пассивно, т.е. дается самими людьми. Дьявол не способен своими усилиями получить эту власть, и ему нечего предложить Христу в постороннем мире. Но и нечего предложить в потустороннем мире; требование по-

¹⁴ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Мартин, 2012. С. 206–261 [11].

¹⁵ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. С. 169–170.

¹⁶ См.: Кураев А. Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир? М.: Никая; Арефа, 2009. С. 16–17 [13].

¹⁷ См.: Феофилакт блаженный. Толкование на Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/ (дата обращения: 05.06.2020) [14].

клониться также является нелепым проявлением гордости и дерзости «того, кто от начала хотел быть Богом». В искушениях дьявол, по словам преподобного Ефрема Сирина, сам обличает себя, свидетельствуя, что «Тот, Кто исшел от Бога, может камни сделать хлебами»¹⁸.

По мнению В.В. Зеньковского, в замысле Великого инквизитора «гармонизация исторического процесса непременно включает в себя подавление человеческой свободы»¹⁹. Это подавление возникает при попытке гармонизировать его без Бога. У В.В. Зеньковского можно найти интересное предположение: «Не под влиянием ли... страстных речей Ив. Карамазова задумал Влад. Соловьев свое “Оправдание добра”?». Эти страстные речи – неприятие мира потому, что его гармония основана на страдании (у Ф.М. Достоевского, на слезинке ребенка). Такое предположение требует отдельного рассмотрения. Важно то, что «понимание свободы, которое с такой силой отвергает Великий инквизитор, есть поистине самое высокое проникновение в тайну свободы, открывшуюся во Христе: никто в этом не стоит выше Достоевского»²⁰.

Искушение властью – это и искушение на Голгофе: «Спаси Себя, если Ты Сын Бога! Сойди с креста!». В одном из Евангелий есть уточнение, что схожие слова произносил и один из разбойников («спаси себя и нас»). Согласно Луке, один из разбойников раскаялся. Его раскаяние – подвиг духа, подлинная *μετάνοια*, которая привела к изменению его природы, к достижению ницшеанского блаженства (но, в отличие от взглядов Ницше, блаженства с Богом), а в трактовке В.С. Соловьёва – природы Богочеловека. Но Христос не сошел с креста потому, что «хотел возвеличить того, который был по правую сторону Креста и верил в Распятого»²¹. Этот сюжет – ответ Великому инквизитору: не чудо привело к изменению природы грешника, а истина Христа.

В.С. Соловьёв заметил, что Ницше в своей яростной полемике с христианством показал «низменный уровень понимания» этой религии хотя бы тем, что не понял, что благая весть о воскресении из мертвых, о вечной жизни, о спасении пришла всем, а не только низшим классам. Христианство – религия, не отрицающая силы и красоты, но только несогласная принять их в виде силы умирающего больного и красоты разлагающегося трупа. Сила и красота должны быть обусловлены добром, сила и красота божественны. Без божественного понимания сила и красота побеждаются всегда, они «умирают с каждым покойником» и «погребаются на всех кладбищах»²².

Христианство – религия всепрощения. Великий инквизитор прощен Тем, кто сострадает, но не принимает этого дара, хотя и «поцелуй горит на его ли-

¹⁸ См.: Ефрем Сирин, преподобный. Творения. Толкование на четвероевангелие. С. 94–96.

¹⁹ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков: Фолио; М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 419 [15].

²⁰ Там же. С. 415.

²¹ См.: Ефрем Сирин, преподобный. Творения. Толкование на четвероевангелие. С. 465.

²² См.: Соловьёв В.С. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 8. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 12–14 [16].

це»²³. Он отвергает его во имя второго искушения – гордыни сатаны, что в безумии объявляет себя властелином мира за то, что обратил для человечества камни в хлеба. Тот, кто преодолел рабство плоти и гордость ума, вступает в искушение злом во имя добра вооруженный божественной истиной, поэтому последнее искушение еще и искушение злоупотреблением этой истиной²⁴. Человек может оказаться недостойным божественной истины и использовать ее во зло себе и другим людям. Таков сверхчеловек из «Трех разговоров» В.С. Соловьева.

Преодолев три искушения зла, человек делает шаг в вечность. Первая Богочеловеческая личность – сам Христос. Его человеческая природа подвержена искушениям и, как пишет Ян Красицкий, «ощущая ограниченность природного бытия, Богочеловек может поддаться соблазну сделать свое божественное Могущество средством для достижения земных целей»²⁵. Именно поэтому Богочеловек проходит тройной соблазн зла. Ян Красицкий указывает: «Преодоление этих трех соблазнов – это в то же время решающий момент в борьбе человечества с “первоосновой зла”, и все соблазны, каким могут быть подвергнуты человек и человечество, оказались побеждены “поступком” Христа» [5, с. 169].

Здесь следует внести поправку в вывод Яна Красицкого. Указанные соблазны не были побеждены Христом в привычном для нас эмпирическом времени, они побеждаются в реальном времени в душе каждого человека, они побеждаются в прошлом и побеждаются в будущем на пути туда, где времени больше не будет. Так, мы переживаем Воскресение Христа каждую Пасху, как непосредственное событие реального времени и нашей жизни, связывающее прошлое с настоящим и будущим. В таком контексте Богочеловек и Богочеловечество – это результат «со-спасения», *результат совместных усилий человека и Бога*. По итогу, «подобно Христу, каждый человек может быть распят и обманут – в какой-то мере это происходит с каждым»²⁶, и это тесно связано с тем, что «жизнь каждого из нас – это бесконечно повторяющаяся Голгофа, где каждый из нас – Христос»²⁷.

Итог искушения: ответ В.С. Соловьева и Л.Н. Андреева

Принято считать Леонида Андреева продолжателем творчества Ф.М. Достоевского, автором, который «испытал прямое влияние его психологического метода». Здесь важно, что ранний Леонид Андреев отмежевывался от Ф.М. Достоев-

²³ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 268.

²⁴ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. С. 173.

²⁵ Красицкий Ян. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 169.

²⁶ См.: Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 83 [17].

²⁷ См.: Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. Ч. 1. СПб.: Алетейя, 2000. С. 148 [18].

ского, а поздний признавал себя его прямым учеником. Но даже в раннем творчестве у Леонида Андреева можно найти множество отсылок к произведениям мастера психологического романа: «подпольный человек», иррационализм героев, исследование глубин человеческой свободы, «идейное убийство» и т.п.²⁸

Для уточнения этого вопроса в первую очередь следует обратиться к повести «Жизнь Василия Фивейского». Сюжет этого произведения содержит ряд важных отсылок. Так, Н.В. Пращерук видит в произведении отсылку к воскресению Лазаря, в том числе из-за первоначального названия «Встань и ходи»²⁹. Однако это произведение отсылает нас и к другой библейской легенде – об Иове Многострадальном, хотя и содержит в себе ряд оригинальных деталей. Но Леонид Андреев выходит далеко за рамки этих сравнений и, вероятно, своего первоначального замысла, он показывает не упрощение религиозной проблематики, как это понимает Н.В. Пращерук, а ее усложнение. В этом усложнении можно увидеть и преодоление своей природы, характерное для таких героев Ф.М. Достоевского, как Николай Ставрогин и Иван Карамазов.

Произведение «Жизнь Василия Фивейского» можно разложить на ряд элементов-сюжетов, характерных для творчества Ф.М. Достоевского. Первый: на исповедь к отцу Василию приходит растлитель и убийца ребенка – некий нищий калека. Второй: рассуждение об утрате веры от осознания несправедливости мира, гармония которого не стоит слезинки одного замученного ребенка. Третий: то, из чего, если верить Н.А. Бердяеву, родился русский атеизм, – из сострадания, из невозможности принять несправедливость мира [2, с. 122]. Есть и четвертая подоплека этого произведения: характер искушения главного героя. И здесь стоит более детально рассмотреть историю Иова Многострадального.

Происходит спор двух метафизических сущностей. Дьявола как такового не интересует душа Иова, его интересует возможность доказать на этом примере, что даже праведника возможно искушить. Хотя через призму Нового завета правомочной является обратная интерпретация. Но возьмем аутентичную, т.е. ветхозаветную: искушение ради искушения. Иов проходит эту проверку души и остается верен Богу, Василий Фивейский – нет. Представляется интересным характер его падения, т.е. чем его искушил дьявол. Леонид Андреев очень тонко подходит к этому вопросу, выходя за рамки ветхозаветного сюжета.

Первое искушение – в духе известного сюжета: дьявол посылает человеку страдания, чтобы тот разочаровался в Боге. Смерть ребенка, душевная болезнь жены, рождение ребенка инвалида и, наконец, трагическая гибель жены. Поразительным образом, но отец Василий избегает физических страданий, что, впрочем, умножает его скорбь, ведь страдают физически и духовно близкие ему люди. Но этого мало, автор проводит своего героя через искушение Ивана

²⁸См.: Пращерук Н.В. Несостоявшийся диалог: Ф. Достоевский и Л. Андреев // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014 (Эволюция форм художественного сознания; вып. 4). С. 99–101 [19].

²⁹ Там же. С. 107.

Карамазова. Там, где остановился Ф.М. Достоевский (его герой только растле- вает Матрешу), не останавливается Леонид Андреев. И, если у Ф.М. Достоев- ского Матреша кончает жизнь самоубийством, разуверившись в благодати и любви Бога к себе (Матреша не разуверилась в Боге и своей вере в него, она разуверилась в любви Бога к себе, ведь она «Бога убила»), то у Леонида Андре- ева жертву убивает мучитель. Испытание должно быть полным.

Все это приходится выслушать на исповеди Василию Фивейскому от растлителя и убийцы³⁰. Леонид Андреев последователен: первая реакция свя- щенника – отрицание. Он отрицает гибельность этого греха для того, кто его совершил, хотя тот и не раскаивается, а относится к произошедшему как к обыденности. Это не *μετάνοια*, но Василию Фивейскому трудно соотнести ги- бель души убийцы и растлителя со всеблагодатью Бога. Вторая реакция – гнев: как всеблагий Господь допустил страдание невинного ребенка? Леонид Андре- ев не указывает на то, что священник готов по-карамазовски «вернуть билет Богу», он говорит о том, что тот готов сложить с себя сан, но и это уже о мно- гом свидетельствует. У Ф.М. Достоевского Иван Карамазов теряет веру в бла- гость Бога, у Леонида Андреева – Василий Фивейский получает новый удар судьбы – трагически погибает его жена.

Это возвращает Василия Фивейского в лоно Церкви, но – и в этом самое главное – теперь он чувствует себя новым Иовом и даже выше этого. Послед- нее, что мы видим на страницах повести, – торжество гордыни главного героя, который по слову человеческому пытается воскресить мертвого. Подобно Хри- сту, он взывает к мертвой плоти «Встань и иди!»³¹, но труп недвижим, Василий Фивейский не властен ни над тварной, ни над духовной природой умершего человека. Торжество греха гордыни, когда в одно мгновение человек ставит себя на место Бога (падение человекобога-Кириллова у Ф.М. Достоевского), заканчивается для него ницшеанским сумасшествием и смертью (падение сверхчеловека).

«Дневник сатаны» стал своеобразным духовным и литературным завеща- нием Леонида Андреева. В романе вочеловечивается уже не Бог, а сатана. Не стоит видеть в этом оскорбление или хулу Христа, скорее это экзистенци- альный эксперимент, на который решается автор. И у него было множество таких экспериментов. Например, один из них есть в «Рассказе о семи повешен- ных», где поднимаемые проблемы настолько глубоки, что по поводу одной из них Л.Н. Толстой с негодованием заметил: «Последнее свидание родителей с приговоренным – тема, за которую я, я бы не решился взяться! А он пишет как ни в чем не бывало»³². Так что же разглядел Леонид Андреев в вочеловечив- шемся сатане?

³⁰ См.: Андреев Л.Н. Избранное. Ленинград: Ленинздат, 1984. С. 197–198 [20].

³¹ Там же. С. 229.

³² Цит. по: Дмитрий Быков Календарь-2URL: <https://knjky.ru/books/kalendar-2?page=102> (дата обращения: 20.02.2021)

Необходимо еще одно замечание к тому, что ставший человеком сатана не умаляет характер вочеловечивания Христа: сатана входит в уже мертвую плоть некогда живого человека – Генри Вандергурда, в этом заключена характерная разница между Христом, ставшим подлинно совершенным человеком, являясь при этом совершенным Богом, и сатаной: «нечистый дух лишен возможности подлинного воплощения, а способен лишь использовать тело человека и повреждать его духовное естество, делая несчастного одержимым и бесноватым. Но, поскольку Генри Вандергурд мертв, это означает, что плоть его служит не более, чем прибежищем»³³. По мере разворачивания сюжета можно увидеть, что сатана, став человеком, начинает испытывать и человеческий страх смерти. Закономерность, вскрытая Ф.М. Достоевским формулируется следующим образом: «духовно поврежденному существу присуща гипертрофированная боязнь утраты жизни из-за отсутствия надежд на воскресение»³⁴.

Финал романа заставляет содрогнуться за судьбу человечества. Дьявол обманут человеком, который готов допустить его существование, т.е. Магнусом, который объявляет все произошедшее как «скверную историю» и гордится тем, что обманул отца лжи: «Если ты Сатана, то ты и здесь опоздал. Понимаешь? Ты зачем пришел сюда? Играть, ты говорил? Искушать? Смеяться над нами, людишками?.. Но так ты опоздал. Надо было приходиться раньше, а теперь земля выросла и больше не нуждается в твоих талантах...»³⁵.

Ученики во всех проявлениях превзошли своего учителя, и от их поведения даже бесам в аду тошно. По Леониду Андрееву, это все, что нужно знать о человеке и человечестве. Пессимистичный взгляд. Причем люди поддаются тем же искушениям, которые претерпел Христос, подчинив свою животную природу божественной, а значит, люди могли устоять перед этими искушениями. У Леонида Андреева есть интересное художественное исследование генеалогии предательства в его повести «Иуда Искариот». При многочисленных толкованиях есть и такое: суть предательства Иуды – желание поднять народ на восстание против римского владычества. Если быть точнее, то почва для предательства – внутреннее чувство Иуды, его убежденность в том, что Иисус его не любит. Но как же доказать Ему, что Иуда заслуживает любви? Предатель видит это только через выставление других апостолов в дурном свете.

В романе Л. Андреева Иисус оставляет выбор за Иудой – предать или спасти. Христос, как и у Ф.М. Достоевского в «Легенде о Великом инквизиторе», молчит. Леонид Андреев исключает корыстный интерес предателя и придает мотиву предательства иной характер: через предательство доказать, что люди недостойны Христа, даже апостолы недостойны, достоин лишь один Иуда. Предатель действует как бы в мире превратных ценностей, даже сумма

³³ См.: Зябрева Г.А. Достоевский и Андреев: традиция духовного поиска // Вопросы русской литературы. 2012. С. 135 [21].

³⁴ Там же. С. 135–136 [21].

³⁵ См.: Андреев Л.Н. Избранное. С. 472.

за предательство не выдает в нем рыночного торговца, а выдает что-то иное – Иуда через это пытается убедить себя и мир в том, что люди алчны. Сколь мало они готовы дать за то, чтобы предать распятию Христа. Испытанием Иуды становится его убеждение в том, что все люди плохи и недостойны Бога, а способом доказать последнее являются 30 серебряников. Низменный способ приводит к тому, что имя Иуды проклянут в веках (*впрочем, в рамках такого учения о спасении, как апокатастасис, все люди достойны спасения и спасутся, даже Иуда*). Совершенно иное можно обнаружить в сверхчеловеке В.С. Соловьева из «Краткой повести об антихристе».

В.С. Соловьев стремится понять природу антихриста как противника Христа. Антихрист – человек, полный многочисленных дарований: он и великий мыслитель, и писатель, и общественный деятель, и внешне красив. Все это становится для него атрибутом превознесения себя. Он «верил и в добро, и в Бога, и в Мессию, но любил только одного себя. У писателя-философа, отличного знатока Библии и церковных традиций, это именно анти-Христос, не прошедший трех искушений Сына Божия хлебами, чудом и властью...», а его сила соблазна «в том, что он умело и эффективно использует личину “добра”»³⁶.

Свои дарования этот сверхчеловек толковал как особый знак своей исключительности перед Богом, это в конечном итоге привело к тому, что он стал мнить себя вначале вторым после Бога, а потом и первым, тем, кем был Христос, и даже выше, потому что Христос – его предтеча. Христос принес людям истину, был «исправителем человечества», а он будет его «благодетелем» – принесет мир и достаток людям. Но даже в этом он сомневался, ожидая какого-то особенного знака своей миссии в этом мире, знака, который даст ему свидетельство того, что он и «есть старший сын, возлюбленный первенец Божий». Сознание своих дарований и сомнение в уготованной роли сыграли с ним дурную шутку: гордыня не позволила ему склониться перед волей «галилеянина»³⁷.

Другими словами, познав Бога в разуме, этот сверхчеловек не смог обрести Бога в сердце и в конечном итоге стал ненавидеть Христа за то, что тот не хочет дать знак, доказывающий высокое предназначение сверхчеловека. Интересно, что далее ненависть сменяется отчаянием. Соловьевский сверхчеловек впадает в уныние и, ведомый этим чувством, пытается свести счеты с жизнью. Отчаяние, по В.С. Соловьеву, равняется духовной смерти, достаточно вспомнить рассказ о двух монахах в Александрии из «Трех разговоров». Но в последние секунды жизни уныние сменяется чувством уязвленной гордости, едва посещает его кроткий и грустный образ Христа. И именно из-за чувства гордыни сверхчеловек бросается вниз с обрыва: «“Он<Христос>меня жалеет... Нет,

³⁶ См.: Зябрева Г.А. Достоевский и Андреев: традиция духовного поиска // Вопросы русской литературы. 2012. С. 261 [22].

³⁷ См.: Соловьев В.С. Три разговора // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 198–199 [23].

никогда! Не воскрес, не воскрес!» И он бросился с обрыва»³⁸. Если жизнь – это дар Бога человеку, то соловьевский сверхчеловек возвращает его Богу из-за чувства уязвленной гордыни, а не от осознания страдания в мире. Сверхчеловек В.С. Соловьева совершает то, что не совершил Христос во время второго искушения сатаной.

Важно отметить, что сверхчеловека подхватывают не ангелы, а дьявол, и искушает он его властью над миром (третье искушение): дает ему то, что не дал Бог. Симптоматично то, что для соловьевского сверхчеловека всеобщий мир и благоденствие не цель, а средство потешить собственное эго. Дьявол входит в уста сверхчеловека «острой леденящей струей», так рождается на свет антихрист, и этот антихрист начинает пророчествовать; его весть разносят апостолы новой веры – масс-медиа, выпуская миллионные тиражи «Открытого пути к вселенскому миру и благоденствию». В.С. Соловьев вольно смешивает в сюжете собственное превратное понимание социализма с эсхатологическими сюжетами, характерными для русского епископа XVIII века Стефана Яворского, и явно не видит иного исхода для человечества, кроме описанного в «Откровении»³⁹.

Но даже В.С. Соловьев не смог вообразить себе, что ждет людей дальше, поэтому конец «Краткой повести об антихристе» вышел скомканным. Как и Степан Яворский, В.С. Соловьев наделяет своего антихриста неспособностью исповедовать Христа, и именно так узнают его природу старец Иоанн, римский Папа Петр II и немецкий теолог профессор Эрнст Паули. Далее сюжет набирает обороты. Кульминацией его становится объединение трех церквей: тайно, ночью, путем пожатия рук тремя представителями трех церквей. Затем следует развязка с падением антихриста⁴⁰. А.Ф. Лосев пишет: «...соловьевский антихрист сначала овладевает всем миром, а потом ничтожнейшим образом погибает. <...>Прочитав соловьевскую повесть об антихристе, всякий скажет: да, не к этому стремится человек и не о таких дешевых победах мечтает человечество» [24, с. 36]. Впрочем, и не о таком дешевом антихристе тоже.

Стоит заметить, что образ антихриста В.С. Соловьеву не удался. Впрочем, ему удалось показать глубину душевного состояния человека перед окончательным его падением до состояния антихриста. Был ли это один из многих антихристов или это была попытка показать последнего – замысел не до конца ясен. В то время был один человек, желавший примерить на себя лавры антихриста-антихристианина (Фридрих Ницше). Насколько удачным был бунт против пороков исторической Церкви, настолько неудачным оказался бунт против Христа. Неслучайно этот антихрист-антихристианин заканчивает самоидентификацией «распятый».

³⁸ См.: Соловьев В.С. Три разговора // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. С. 200.

³⁹ См.: Зябрева Г.А. Достоевский и Андреев: традиция духовного поиска // Вопросы русской литературы. С. 256–266.

⁴⁰ См. Соловьев В.С. Три разговора // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. С. 215–216, 218.

Если принять за истину толкование Н.Я. Грота, то Ницше сам более других человек оскорбленного самолюбия, человек, безусловный талант которого сочетался с физиологической немощью, рождая в нем чувства ненависти и мщения, которые попирали в нем истину христианской любви. Ницше стал тем, кем он хотел быть, сверхчеловеком, пережив «одну из самых тяжелых трагедий – нравственную трагедию неверия и отрицания», он «имел смелость искренне исповедовать пред человечеством все передуманное и выстраданное»⁴¹.

Ницше тоже стремился к более совершенному человечеству (сверхчеловечеству), но шел в противоположенном от В.С. Соловьева направлении (вместо пути к богочеловечеству, он шел по пути к человекобогу). И если путь Ницше, как это пророчески понял Ф.М. Достоевский, ведет к логическому самоубийству (*здесь следует это трактовать расширенно – и как самоубийство, и как безумие: Раскольников видит во сне, как мучают и убивают лошадь; Ницше сходит с ума, став свидетелем того, как на его глазах избивают лошадь*), то путь В.С. Соловьева ведет к ничтожнейшему антихристу, вся сила которого – в даровании материальных благ человечеству. И эти материальные блага понуждают людей склониться перед ним. Ничтожность образа раскрывается через образ Великого инквизитора, которому нечего возразить живому Христу, кроме лишения людей свободы в обмен на химеру первого искушения – материального достатка.

Сходный вывод делает и Бернард Маршадье, утверждая, что «филантроп» В.С. Соловьева «предает Христа так же, как это делает и Великий инквизитор, прикрываясь жалостью к людям, скрывая свою истинную цель – стать хозяином людских душ и тел». Как и Ян Красицкий и ряд других исследователей, Бернард Маршадье говорит о том, что к концу жизни В.С. Соловьев принял точку зрения своего отца, историка С.М. Соловьева, что современное человечество – это больной старик, а всемирная история идет к концу. Но даже в этом царстве пессимизма В.С. Соловьев оставляет толику оптимизма: «Этот эпилог, который одновременно является прологом к концу, может длиться долго. В ожидании окончательного падения занавеса, даже несмотря на то, что правление антихриста кажется повсеместным, Соловьев заботится о том, чтобы хотя бы где-то оставались условия существования человечества, которые не были бы искажены. Мы видим, что, даже отброшенный назад в пустыню, небольшой остаток человечества, сохранивший верность, сохраняет и живые семена цивилизации в лице трех своих законных лидеров, которые вдохновляются ее организующими и конституирующими элементами: Римом, аскезой и благотворительным правилом и Школой» [26, с. 12–15].

Но, быть может, не все будет так оптимистично. Спустя чуть более ста лет после «русского Откровения» В.С. Соловьева Ю.В. Мамлеев в жанре метафизиче-

⁴¹ См.: Грот Н.Я. Нравственные идеалы нашего времени (Фридрих Ницше и Лев Толстой) // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 1(16). С. 149 [25].

ского реализма напишет роман-антиутопию «После конца», где поставит вопрос, что же произойдет с человечеством «после конца», т.е. после библейского конца мира. На страницах романа мы узнаем, что все свершится, как и было предначертано: одни уйдут в высшие миры, а другие будут преданы небытию. Однако на останках мира вдруг появится некий новый вид «человека», уже не несущего в себе человеческие черты, который будет требовать наступления «дьяволочеловечества», но не заслужит даже его⁴². Нам этот автор интересен тем, что он обращается к философии В.С. Соловьева для обоснования приведенного здесь вопроса. В результате В.С. Соловьев не ответил на свой же вопрос «Что ждет человечество?», он лишь указал общее направление, кем должен стать человек по божественной благодати. Этот вопрос никуда не ушел и в наше очередное тысячелетие.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1912. 440 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 320 с.
3. Dobieszewski J. Filozofia polityczna Włodzimierza Sołowjowa [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/40797453/Filozofia_polityczna_Włodzimierza_Sołowjowa (дата обращения: 20.02.2021)
4. Dobieszewski J. U początków idei bogoczołowieczeństwa w filozofii Włodzimierza Sołowjowa // W kręgu idei Włodzimierza Sołowjowa. Red. W. Rydzewski i M. Kita. Krakow, 2002.
5. Красицкий Ян. Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьева. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 448 с.
6. Гётте И.В. Фауст. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 461 с.
7. Кураев А. Мастер и Маргарита: За Христа или против? М.: Проспект, 2017. 272 с.
8. Ефрем Сирин, преподобный. Творения. Толкование на четвероевангелие. М.: Сибирская Благовонница, 2017. 542 с.
9. Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф.М. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Изд-во РХГА, 2012. 585 с.
10. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Мн.: Харвест, 2011. 848 с.
11. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: Мартин, 2012. 784 с.
12. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. СПб.: Изд-во «Скрижаль», 2020. 768 с.
13. Кураев А. Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир? М.: Никея; Арефа, 2009. 320 с.
14. Феофилакт блаженный. Толкование на Евангелие от Матфея [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/ (дата обращения: 05.06.2020)
15. Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков: Фолио; М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 896 с.
16. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 8. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. 763 с.
17. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
18. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. Ч. 1. СПб.: Алетейя, 2000. 415 с.

⁴²См.: Мамлеев Ю.В. После конца. М.: Эксмо, 2011. С. 233 [27].

19. Пращерук Н.В. Несостоявшийся диалог: Ф. Достоевский и Л. Андреев // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014 (Эволюция форм художественного сознания; вып. 4). С. 99–110.

20. Андреев Л.Н. Избранное. Ленинград: Ленинздат, 1984. 491 с.

21. Зябрева Г.А. Достоевский и Андреев: традиция духовного поиска // Вопросы русской литературы. 2012. С. 38–49.

22. Юрина Н.Г. Традиции русской апокалиптической литературы XVIII века в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьёва (Соловьёв и Яворский) // Вестник Чувашиского университета. 2010. № 4. С. 256–266.

23. Соловьёв В.С. Три разговора // Соловьёв В.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1914. С. 81–221.

24. Лосев А.Ф. Творческий путь Владимира Соловьёва / Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания. М.: Академический Проект, 2011. С. 5–36.

25. Грот Н.Я. Нравственные идеалы нашего времени (Фридрих Ницше и Лев Толстой) // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 1(16). С. 129–154.

26. Marchadier B. An Introduction to Vladimir Solovyev's Three Conversations on War, Morals and Religion // Соловьёвские исследования. 2021. Вып. 1(69). С. 6–16.

27. Мамлеев Ю.В. После конца. М.: Эксмо, 2011. 320 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Readings on God-manhood], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 3* [Collected works in 10 vol., vol. 3]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovari'shchestvo «Prosveshchenie», 1912. 440 p.

2. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra [Justification of good], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 8* [Collected works in 10 vol., vol. 8]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovari'shchestvo «Prosveshchenie», 1914. 763 p.

3. Solov'ev, V.S. Tri razgovora [Three conversations], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 10* [Collected works in 10 vol., vol. 10]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovari'shchestvo «Prosveshchenie», 1914, pp. 81–221.

Individual Works

4. Andreev, L.N. *Izbrannoe* [The Chosen One]. Leningrad: Leninzdat, 1984. 491 p.

5. Berdyaev, N.A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2013. 320 p.

6. Dostoevskiy, F.M. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Moscow: Martin, 2012. 784 p.

7. Efrem Sirin, prepodobnyy. *Tvoreniya. Tolkovanie na chetveroevangelie* [Reverend of Creation. Interpretation on the four-evangelic]. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa, 2017. 542 p.

8. Gette, I.V. *Faust* [Faust]. Moscow: AST: AST MOSKVA, 2009. 461 p.

9. Kamyu, A. *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [A rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow: Politizdat, 1990. 415 p.

10. Kuraev, A. *Master i Margarita: Za Khrista ili protiv?* [Master and Margarita: For Christ or against?]. Moscow: Prospekt, 2017. 272 p.

11. Kuraev, A. *Dary i anafemy. Chto khristianstvo prineslo v mir?* [Gifts and anathema. What did Christianity bring to the world?]. Moscow: Nikeya; Arefa, 2009. 320 p.

12. Losev, A.F. *Tvorcheskiy put' Vladimira Solov'eva* [The creative path of Vladimir Solovyov], in Solov'ev, V.S. *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya* [Philosophical principles of whole knowledge]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2011, pp. 5–36.

13. Mamleev, Yu.V. *Posle kontsa* [After the end]. Moscow: Eksmo, 2011. 320 p.
14. *Novyy Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista* [The New Testament of Our Lord Jesus Christ]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Skrizhal'», 2020. 768 p.
15. Shopengauer, A. *Mir kak volya i predstavlenie* [The World as Will and Re-presentation]. Minsk: Kharvest, 2011. 848 p.
16. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian philosophy]. Khar'kov: Folio; Moscow: Izdatel'stvo EKSMO-Press, 2001. 896 p.

(Articles from Scientific Journals)

17. Dobieszewski, J. U początków idei bogoczołowieczeństwa w filozofii Włodzimierza Solowjowa. *W kręgu idei Włodzimierza Solowjowa*. Krakow, 2002.
18. Grot, N.Ya. Nравstvennyye idealy nashego vremeni (Fridrikh Nitsche i Lev Tolstoy) [Moral ideals of our time (Friedrich Nietzsche and Leo Tolstoy)], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1893, book 1(16), pp. 129–154.
19. Marchadier, B. An Introduction to Vladimir Solovyev's Three Conversations on War, Morals and Religion, in *Solov'evskie issledovaniya*, 2021, issue 1(69), pp. 6–16.
20. Yurina, N.G. Traditsii russkoy apokalipticheskoy literatury XVIII veka v «Kratkoy povesti ob antikhriste» VI. Solov'eva (Solov'ev i Yavorskiy) [Traditions of Russian apocalyptic literature of the 18th century in the "Short Story of the Antichrist" by V. Solovyov (Soloviev and Yavorskiy)], in *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2010, no. 4, pp. 256–266.
21. Zyabreva, G.A. Dostoevskiy i Andreev: traditsiya dukhovnogo poiska [Dostoevsky and Andreev: the tradition of spiritual search], in *Voprosy russkoy literatury*, 2012, pp. 38–49.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Prashcheruk, N.V. Nesostoyavshiysya dialog: F. Dostoevskiy i L. Andreev [Failed dialogue: F. Dostoevsky and L. Andreev], in *Sbornik nauchnykh statey «Dialogi klassikov – dialogi s klassikoy»*. Vyp. 4 [Collection of scientific articles «Dialogues of classics – dialogues with classics». Issue 4]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2014, pp. 99–110.

(Monographs)

23. Evlampiev, I.I. *Filosofiya cheloveka v tvorchestve F.M. Dostoevskogo (ot rannikh proizvedeniy k «Brat'yam Karamazovym»)* [The philosophy of man in the work of F.M. Dostoevsky (from early works to the "Brothers Karamazov")]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2012. 585 p.
24. Evlampiev, I.I. *Istoriya russkoy metafiziki v XIX–XX vekakh. Russkaya filosofiya v poiskakh Absolyuta. Ch. 1* [The history of Russian metaphysics in the XIX–XX centuries. Russian Philosophy in Search of the Absolute. Part 1]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2000. 415 p.
25. Krasitskiy, Yan. *Bog, chelovek i zlo. Issledovanie filosofii Vladimira Solov'eva* [God, man, and evil. A study of the philosophy of Vladimir Solovyov]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2009. 448 p.

(Electronic Resources)

26. Dobieszewski, J. *Filozofia polityczna Włodzimierza Solowjowa*. Available at: https://www.academia.edu/40797453/Filozofia_polityczna_Włodzimierza_Solowjowa (дата обращения: 20.02.2021)
27. Feofilakt blazhenny. *Tolkovanie na Evangelie ot Matfeya* [Theophylact blessed. Interpretation on the Gospel of Matthew]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskiy/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/ (data obrashcheniya: 05.06.2020)